

**Доктор Стивен Д. Мэтьюсон,
Проповедь по ветхозаветным повествованиям,
Сессия 4: Обзор экзегетического процесса [Деяния
апостолов]: Анализ персонажей и обсуждение**

Это доктор Стивен Д. Мэтьюсон, и я представляю вам серию уроков по проповеди на основе ветхозаветных повествований. Это четвертое занятие: Обзор экзегетического процесса [Деяния], анализ персонажей и обсуждение.

Что ж, добро пожаловать обратно на наш курс по проповеди на основе ветхозаветных повествований.

Мы говорили об экзегезе, то есть о выявлении смысла текста, понимании значения повествования, и я предложил вам хороший способ организовать необходимые для этого особенности — использовать слово «акты», «акты», представьте себе первый и второй акты пьесы или рассказа. А буква А, помните, означает сюжет. Мы уже это рассматривали.

На этом занятии мы рассмотрим буквы С и Т, где С означает персонажей, поэтому, помимо анализа сюжета и развития событий, нам нужно подумать и о персонажах. Персонажи в ветхозаветных повествованиях действительно очень интересны. Мне очень нравится старая раввинская поговорка: «Бог создал людей, потому что любит истории».

Возможно, верно обратное. Бог создавал истории, потому что любит людей, но люди ведь интересны, не так ли? И да, сюжет — это одно, действие — это другое, но именно персонажи движут этим действием. Поэтому я бы сказал, опять же, сюжет — это главное, но когда мы рассматриваем персонажей, мы хотим попытаться определить, как они функционируют в повествовании в соответствии с сюжетом.

Итак, давайте сначала поговорим о классификации персонажей. Это может показаться довольно сложным вопросом, и я много читал на эту тему. Разные ученые, литературоведы и даже исследователи Ветхого Завета используют разные способы классификации персонажей, но помните, мы проповедуем это. Мы хотим понять повествование.

Поэтому я считаю, что проще — это хороший подход. Предлагаю начать с простого различения главных и второстепенных персонажей, и это различие возникает просто из-за масштаба роли персонажа в сюжете. Литературоведы, рассматривая главных героев, делят их на несколько других категорий, и это может быть полезно.

Повторюсь, никогда не используйте эти термины в своих проповедях, хорошо? Но вы будете читать труды литературоведов и даже библеистов, которые будут использовать эти термины. Так, одна из категорий — это то, что мы называем протагонистами. Протагонист — это центральный персонаж.

Я имею в виду, они незаменимы для сюжета. Эти персонажи, знаете ли, часто являются героями истории, но не всегда. Другая группа главных героев — это то, что мы называем антагонистами.

Нам знакомо это слово. Итак, у нас есть главные герои, а затем антагонисты — это основные противники или силы, противостоящие центральному персонажу. И третья категория — это то, что мы называем второстепенными персонажами.

И это персонажи, которые в некотором смысле противопоставляются главному герою, и они, в свою очередь, усиливают наше понимание этого главного героя, поскольку создают контраст или, иногда, параллель. Опять же, эти категории часто используются при анализе западной литературы, и, опять же, история есть история. Поэтому даже те категории, которые мы используем сегодня для западной литературы, даже, скажем, британской литературы, Чарльза Диккенса и других, по-прежнему хорошо работают .

Однако я хотел бы высказать следующее предостережение. Идея состоит не в том, чтобы свести персонажа к какому-либо ярлыку. Это не попытка навесить ярлык на библейскую историю, а скорее в том, чтобы прояснить, какую роль тот или иной персонаж играет в повествовании.

Вот яркий пример. Первая книга Самуила, глава 17, называется историей Давида и Голиафа, верно? Я не ставлю перед собой цель это изменить, но на самом деле, с литературной точки зрения, так описывать эту историю не следует. Дело в том, что Голиаф бросает вызов, который выявляет контраст между двумя главными героями, протагонистом и антагонистом, а именно Давидом и Саулом.

Этот раздел Первой книги Самуила, начинающийся примерно с 15-й главы и охватывающий все 9 глав Второго Книги Самуила, доказывает, что Давид — правильный выбор на пост царя Израиля, даже несмотря на то, что он будет происходить из новой родословной. А это было очень важно в древнем мире. Нужно было принадлежать к правящей семье.

Что ж, Давид — нет. Он не из семьи Саула. Поэтому рассказчик в этой части книги пытается убедить нас, что Давид — лучший выбор на роль царя.

Таким образом, в этой истории мы видим противостояние Давида и Саула. А Голиаф выступает в роли контраста. Технически, он, возможно, и не совсем противоположность, но, по крайней мере, это персонаж, представляющий собой контрастную фигуру.

Опять же, вот почему ярлыки не так важны, как их функция. Как они взаимодействуют? И Давид явно герой. Теперь перенесёмся на несколько глав вперёд в Первой книге Самуила, глава 25, и Давид, пожалуй, станет главным героем.

А ещё есть парень, Навал, чьё имя означает «глупец». О именах мы поговорим чуть позже. Это тот, кто противостоит Давиду.

И тут появляется Эбигейл, и она действительно героиня. Можно сказать, что она — антагонист, но на самом деле она — героиня этой истории. Дэвида в этой истории нет.

Эбигейл — героиня. Дэвид меняется, и к концу эпизода у него появляются те же убеждения, что и у Эбигейл. Эбигейл отговаривает Дэвида от глупого поступка, который мог поставить под угрозу его назначение или восшествие на престол Израиля.

Он уже был помазан. Но будет ли он когда-нибудь признан царём? Что ж, Давид был готов лишиться жизни своего мужа, потому что, по сути, тот оправдал своё имя. Он был глупцом.

Он был мерзавцем. И Давид хотел отомстить. А Эбигейл говорит: «Господин мой, вы не можете этого сделать».

И она отговорила его от этого. Таким образом, даже один и тот же персонаж, по мере развития сюжета, может немного меняться в зависимости от обстоятельств. В 2 Царств 11 и 12, если вернуться к началу, Давид остается главным героем, а Урия Хеттеянин выступает в роли антагониста.

Он — контраст. И Давид не герой этой истории, не так ли? Я имею в виду, он совершает целый ряд грехов, испытывая влечение к Вирсавии, жене Урии, не только прелюбодействует, но и убивает Урию в битве. Так что интересно в этой истории то, что, хотя Вирсавия важна, она критикует сюжет, но её роль незначительна.

На самом деле, она действительно стала жертвой. Думаю, в этой истории её следует рассматривать как жертву, потому что Дэвид злоупотребляет своей властью. Поэтому в этой истории я бы, возможно, назвала её агентом.

Опять же, дело не в названиях. Важно лишь понимать, как эти персонажи связаны друг с другом. Поэтому вы обращаетесь к Бытие 38.

Мы немного об этом говорили. Иуда — центральный персонаж, главный герой. А Тамар — его противоположность.

И они, безусловно, главные герои. Есть и другие персонажи, но они играют второстепенные роли. Опять же, это не значит, что они не важны, но для целей этой истории нам не нужно тратить много времени на анализ убитых сыновей, первых двух, и некоторых других персонажей повествования, друзей Иуды.

Да, их общая значимость в контексте истории искупления просто невелика. Опять же, человек может играть другую роль в другой истории. Поэтому один из вопросов, который мы должны рассмотреть, когда говорим о персонажах, — как они функционируют? Теперь я хочу немного поговорить о способах характеристики персонажей.

Как авторы ветхозаветных повествований создают этих персонажей? И что интересно, они не дают нам столько описаний, к которым мы привыкли в современных романах. Несколько лет назад я читал роман Джона Гришама под названием «Завет». Он рассказывает о юристе Нейте Райли, который ищет неожиданного наследника состояния в 11 миллиардов долларов.

И знаете что? Этот наследник — миссионерка по имени Рейчел Лейн. Он находит её в джунглях Бразилии. И я хочу, чтобы вы прочитали, как Джон Гришам описывает эту встречу.

Итак, этот адвокат приезжает и находит её в джунглях Бразилии с группой племенных воинов. Вот как он её описывает: он говорит, что Рейчел была с ними.

Она приближалась. На загорелой груди виднелась светло-желтая рубашка, а под соломенной шляпой — более светлое лицо. Она была чуть выше индианок и держалась с непринужденной элегантностью.

Нейт следил за каждым её шагом. Она была очень стройной, с широкими, костлявыми плечами. По мере приближения она начала смотреть в их сторону.

Она сняла шляпу. Ее волосы были каштановыми, наполовину седыми и очень короткими. Что в этом особенного? В общем, ничего особенного.

Таковы принципы западной литературы. Вот ещё один пример от западного писателя Луи Ламура. Это образ одного из его персонажей, Джеймса Т. Кеттлмана.

Это отрывок из его романа «Флинт». Он писал о Кеттлмане: у него было худое и жесткое лицо, треугольной формы, с высокими скулами, зелеными глазами и сильным подбородком. Бакенбарды были длинными, как и было модно в то время.

У него тёмно-коричневые вьющиеся волосы. На свету они приобретали красноватый оттенок. Кожа у него была тёмная, черты лица, за исключением глаз, были обычно бесстрастными.

Джеймса Т. Кеттлмана, финансиста и спекулянта, часто называли красивым мужчиной. Но никогда не называли его дружелюбным. Такова уж наша западная литературная традиция, не правда ли? Особенно романы.

Они прилагают огромные усилия, чтобы создать портреты персонажей. В отличие от этого, и в отличие от Шарлотты Бронте или Чарльза Диккенса, авторы ветхозаветных повествований рассказывают свои истории в довольно лаконичном, сдержанном стиле. Поэтому, я думаю, можно сказать, что характеристика персонажей в ветхозаветных повествованиях, вероятно, напоминает быстрый карандашный набросок.

Там не так уж много информации. Роберт Альтер — не просто ведущий литературовед, но и еврейский учёный, написавший новаторскую книгу под названием «Искусство библейского повествования». Так называлась его книга.

Сейчас вышло уже второе издание. По сути, моя книга — это своего рода дань уважения творчеству Альтера. Я имею в виду, он был одним из первых, кого я начал читать, и одним из тех, кого евангелисты начали читать, когда заново открывали для себя, как работает повествование.

Но он говорит следующее. Он говорит, что нам даются лишь самые скудные намеки на внешний вид, привычки и жесты, одежду и предметы быта персонажей, материальную среду, в которой они разыгрывают свои судьбы. Другой известный литературовед, Меир Штернберг, говорит, что эти подробные описания, к которым мы привыкли в нашей культуре, не выполняют никакой другой роли, кроме как реалистической полноты.

И он говорит, что библейские рассказчики не слишком заботятся о ярких описаниях. Вот почему это важно. Тот факт, что этих деталей мало, означает, что когда они появляются, они имеют значение.

В библейском повествовании нет мимолетных реплик. Если какая-то деталь касается персонажа, то она действительно очень важна. И я приведу вам несколько примеров.

В третьей главе книги Судей, начиная с 12-го стиха и до самого конца, рассказывается история Ехуда. Это довольно странная история, но на самом деле она несёт в себе глубокий, богословский смысл, о котором мы поговорим позже. Однако в книге Судей Ехуд описывается как левша, а Эглон — как очень толстый.

Конечно, это не очень-то социально корректно. Не сегодня, и я не думаю, что тогда это было так. Но они готовят нас к тому, что происходит в этом повествовании.

Итак, в этом повествовании Эглон, или Эхуд, — судья. На самом деле, в книге Судей они — спасители. Но именно он, как я полагаю, спасёт народ Израиля от моавитян.

А зачем нам знать, что он левша? Ну, как оказалось, когда он отправился к царю Эхуду, когда проходил таможенный контроль, там не было металлодетекторов, его бы обыскали и пощупали. Они бы пощупали его с левой стороны, потому что большинство воинов были правшами, и меч доставали с левой стороны. Делали это вот так.

Вы бы не стали пытаться вырвать его с правого бока. И, кстати, еврейский текст говорит нам, что это был скорее кинжал. Это был локоть, но это даже не обычное слово для обозначения локтя.

Один из моих друзей, Лоусон Янгер, в своем комментарии к Книге Судей утверждает, что это слово, вероятно, относится к чему-то длиной всего в фут. Так что это кинжал. Подумайте об этом.

Он левша. Он будет вынимать его из ножен с правой стороны. Но когда он проходит таможенный контроль, там все правши. Большинство воинов — правши.

Так что, если они спешат, они просто проверят его левую сторону. Ага, всё в порядке, иди. Он незаметно пронесет меч, и в конце концов, спойлер: если вы не читали эту историю, он убивает моавитского царя, угнетавшего Израиль.

Почему же моавитского царя Эглона называют очень толстым? Вообще-то, я говорил, что в Библии есть юмор, и здесь он довольно грубый. Возможно, это юмор десятилетнего мальчика, потому что, знаете что? Имя Эглон означает теленок. Так что получается, что его изображают как откормленного теленка, пригодного для забоя.

Но поскольку он был очень толстым, когда Эглон вонзил меч, нам говорят, что жир покрывал лезвие. И когда его слуги нашли его мертвым на полу, этого безжизненного моавитянина, они не сразу поняли, что он был убит, потому что жир покрывал меч. И я думаю, это одна из причин, почему нам сообщают эту деталь о том, что он был очень толстым.

Это не просто насмешка над ним, хотя я думаю, что и это тоже присутствует, но это сделано с определённой целью. Точно так же, почему в Бытие 39, стих 6 говорится, что Иосиф был красивым парнем? Это моя перефразировка. Он был красивым парнем.

Это помогает нам понять сексуальные домогательства со стороны жены Потифара. А почему автор Книги Бытия описывает Исава как волосатого человека в Бытие 27:11? Это помогает нам оценить попытку его брата Иакова выдать себя за Исава. Когда он пришёл к своему отцу, Исааку, он хотел получить благословение первородства и покрыл себя шкурами с волосами, чтобы, когда его почти слепой отец потрогал его, он сказал: «О да, твой голос похож на голос Иакова, но да, у тебя волосатые руки».

Хорошо, ты Исав. Поэтому такие детали действительно важны. Еще один способ понять персонажей, и это может показаться очевидным, — это их поведение.

В целом, библейские авторы и рассказчики, как правило, показывают нам, а не рассказывают. Они дают нам представление о характере персонажа, обращая внимание на его или её поступки. Одна из самых захватывающих историй, и я нахожу её очень убедительной и крайне необходимой для современной церкви, — это история Михея и данитян в Книге Судей, главы 17 и 18.

И если вы это прочитаете, рассказчик не скажет прямо: «Кстати, этот парень Мика — коррумпированный». Ему не нужно нам об этом рассказывать. Он просто показывает нам это.

А если мы внимательные читатели, то, прочитав это, мы подумаем: «Что? Не могу поверить, что этот человек так поступает. Как он может это делать? Это так аморально. Это так коррумпировано».

Так это работает в повествовании Ветхого Завета. Авторы показывают нам происходящее, а не рассказывают. Поэтому мы всегда наблюдаем за их поведением и, читая эти повествования на фоне Торы, обращаем на них внимание.

Опять же, некоторые повествования содержатся в Торе, но более поздние книги, такие как Иисус Навин, Судьи, Самуил, Цари, Хроники, мы всегда читаем, обращая внимание, в частности, на Второзаконие, но и на другие книги Торы, и

мы видим, как эти персонажи соответствуют тому, что Бог сказал в законе, который Он дал через Моисея. Еще одна особенность, на которую мы должны обратить внимание, — это имена персонажей. Знаете, в некоторых культурах имена имеют особое значение.

Когда я жил в Монтане, я часто комментировал баскетбольные матчи местных школьных команд, и в некоторых из этих игр участвовали команды из индейских общин, и я слышал такие имена, как Тауни Уистлинг Элк и Джонатан Тейкс Энеми. Кстати, Джонатан Тейкс Энеми — один из лучших школьных баскетболистов, которых я когда-либо видел, и я наблюдал за некоторыми парнями, которые в итоге попали в НБА, но это было его имя. Джонатан Тейкс Энеми, Стейси Биг Хэйр, я помню это имя, а ещё Элвис Олд Булл.

То есть, это были имена, являвшиеся частью их культурного наследия, и эти имена отражали либо обстоятельства их рождения, либо, возможно, добродетель, которая, как предполагалось, должна была характеризовать жизнь ребенка. И знаете что? В Ветхом Завете персонажам давали имена примерно в том же ключе. Один из исследователей Ветхого Завета, Жан-Луи Скотт, отмечает, что очень распространенным способом охарактеризовать человека было дать ему имя.

И, конечно, есть несколько очевидных примеров, я уже упоминал Навала. Его имя в переводе с иврита означает «глупец». И я не знаю, называли ли его так за спиной.

Трудно поверить, что это имя дала ему мать. Эй, дурак, пора идти ужинать. Но помнишь имя Авраам? Помнишь его имя? Его звали Аврам, или Аврам, что звучит как отец, ну да, возвышенный отец.

Аврам означает «возвышенный отец». Но ведь Авраам означает «отец многих народов». Кстати, в этом есть некоторая ирония, не так ли? Ведь Авраму дали имя Авраам еще до того, как он стал отцом хотя бы одного ребенка.

И всё же это было частью обещания. Есть библейский учёный по имени Джон Стек, который доказывает значимость имён в 4-й главе Книги Судей. В рассказе о поражении Кесарии, он описывается как жестокий ханаанский полководец. Так вот, одно из имён — это имя израильского воина по имени Варак, что означает «молния».

В этой истории его роль несколько пассивна, немного нерешительна. А слава достаётся паре верных женщин. Одна из них, Дебора, чье имя означает пчела, а другая, Дж. Л., чье имя означает горный козел.

Кстати, возможно, вам не захочется называть свою дочь Дж. Л. Она, вероятно, не польстится, если вы назовете ее горной козой. Но в этом повествовании интересно то, что в конце Дж. Л. дает вражескому командиру это питательное молоко. А ему нужна была всего лишь вода.

И она дала ему молока, и, вероятно, это его успокоило, и он заснул. А затем она сделала то, чего не смог сделать Барак, — отняла его жизнь. Опять же, это военное сражение.

И в результате мир был восстановлен на обетованной земле молока и меда. Так что, довольно интересно, как все это закончилось. Мне кажется, книга Руфь увлекательна, если понимать, как устроены имена.

Один из главных героев, ну, он появляется в начале истории и быстро исчезает. Его зовут Элимелех. Так мы говорим по-английски.

Но Элимелех, где «Эль» означает Бог, «я» — мой, а Мелех — царь. Таким образом, его имя означает «мой Бог — царь». Но ирония, о которой мы уже немного говорили, заключается в следующем.

Помните это несоответствие? Ирония в том, что мой Бог — царь, и он отворачивается от Бога как царя, и во время голода покидает землю обетованную и отправляется в землю Моава. И это может показаться нам безобидным. Если вы живете в Чикаго и не можете найти нужную работу, но знаете, что в Индианаполисе есть хорошая работа.

Вы можете переехать в Индианаполис, или из Лос-Анджелеса в Бостон, или куда угодно. И это, знаете ли, не неправильно, если только нет других факторов, которые делают это неправильным. Но у нас есть свобода выбора.

Не народ Израиля. Они были привязаны к этой земле. Поэтому Елимелех бежит из царской территории из-за голода.

У него есть двое сыновей, Малон и Килион. Мы не уверены. Некоторые предполагают, что их имена означают «болезненный» и «угасающий».

И если это так, то это предвещало их скорую гибель, потому что они умерли и, вероятно, могли умереть от голода. В любом случае, жену Елимелеха звали Ноеминь, чье имя означает «приятная». И снова мы видим иронию ее имени, потому что, как вы понимаете, она отправляется со своим мужем в землю Моавскую, и там дела идут неважно.

Она слышит, что Бог обеспечил людей пищей. Поэтому она возвращается на родину. И когда она приходит в Вифлеем, женщины кричат: «Это Ноеминь, это Ноеминь!»

И она говорит: «Нет, не называйте меня приятной. Называйте меня Мара, что по-еврейски означает горькая». Потому что, сказала она, Шаддай, Всевышний, поступил со мной горько.

А еще есть Руфь, чье имя означает дружба. Какой же она была замечательной подругой! Вооз, чье имя означает быстрая сила, проявляет эту силу именно в том, как он заботится о Руфи и о Наоми.

А вот что меня действительно смешит в Руфь 4:1, так это упоминание о потенциальном родственнике-искупителе, который имел право, ещё до Вооза, выкупить Руфь. Но тот отказался. И тогда Вооз обращается к нему еврейским выражением «Полони Алмони», что, по сути, означает «господин такой-то» или «господин как его там».

И это просто способ сказать, что этот парень не заслуживает того, чтобы его имя помнили. Так что, подойдите сюда и сядьте, мистер Такой-то. Кстати, иногда имя персонажа не называют.

В 1 Царств 17 Давид не называет Голиафа по имени. Он называет его необрезанным филистимлянином. Это своего рода уничижительное замечание.

Он не собирается воздавать ему должное, давая ему имя. Так что имена — это увлекательно. Но мы всегда должны быть осторожны, чтобы не построить замок там, где Библия построила лишь маленькую хижину.

Иногда не каждое имя имеет значение, и нам не хочется слишком углубляться в толкование Библии. Вот тут-то и могут помочь комментарии. Они могут напомнить нам, что, возможно, мы придаем слишком большое значение тому или иному имени.

Но зачастую эти имена имеют значение. Я вспоминаю имя Исаак Ицхак из Книги Бытия. Его имя означает смех.

И это тема, подтема, пронизывающая всю историю. Я имею в виду, когда он рождается, смех радости Сары сменяет смех неверия. И Бог, я думаю, смеется последним, потому что Он говорит: «Ты назовешь мальчика Исааком».

Поэтому каждый раз, когда они звали на ужин со смехом, им напоминали, что они смеялись в лицо Божьим обещаниям. Но потом они смеялись от радости. Сара смеялась от радости, когда у нее наконец родился сын.

Ещё один момент, на который следует обратить внимание, — это то, что я назову обозначениями. Иногда рассказчик сам, или, точнее, это может быть в речи персонажа, описывает его определённым образом. Например, я уже упоминал, как Давид назвал Голиафа необрезанным филистимлянином.

Именно так он его и называет. Вот ещё один пример. В Бытие 21:9 вы можете понять, насколько сильно Сарра ненавидит египетскую рабыню Агарь.

А когда в тексте говорится: «Но Сара увидела, что сын, которого родила Аврааму Агарь Египтянка, насмеялся», — на самом деле я хотел сказать, что она не называет его именем Измаил. Она не называет его этим именем.

И это тонкий намёк, но он действительно показывает её, знаете, презрение. Она не хочет признавать этого ребёнка. Позже, я думаю, вы видите, как текст выдаёт отношение Давида к Вирсавии, упоминая её как женщину или ту самую женщину, хотя её имя уже было названо.

Иногда бывает и наоборот. Персонаж может выйти из безвестности. Так случилось и с Дэвидом.

Вы читаете рассказ о его помазании в 1 Царств 16, стихи 1-13. И там вы видите парад сыновей. И наконец, появляется последний, и рассказчик не называет его имени, Давид, до самого момента помазания и возвышения.

Хорошо. Это даст вам хорошее представление о том, как изучать людей, которые делают эти истории интересными. Опять же, уделите время классификации персонажей, не просто навешивая на них ярлыки, а обращая внимание на то, как они функционируют в сюжете.

Имеет ли их имя какое-либо значение? Как писатель их описывает? Сообщается ли нам что-нибудь об их физических характеристиках? Итак, мы обсудили А — действие. Мы обсудили С — персонажи. Теперь следующая особенность повествования — это рассмотрение того, что говорят персонажи и рассказчик.

Итак, буква Т означает «говорить». Знаю, это очень технический термин, но он довольно хорошо подходит, не правда ли? Ближе к концу полуавтобиографической повести Нормана Маклина «Там, где течет река» Норман и его отец, преподобный Джон Маклин, вспоминают трагическую смерть брата Нормана, Пола.

Он был младшим братом. Поэтому, когда старший Маклин спросил сына, рассказал ли тот все подробности о смерти младшего сына, Пола, Норман

ответил: «Все». Отец сказал: « Не так уж много, правда ?» Норман ответил: « Нет , но можно любить полностью, не имея полного понимания ».

И, согласившись, отец закончил разговор и сказал: «Да, я это знаю и проповедую». И я думаю, что ответ Нормана действительно передает смысл этой повести. Можно любить всецело, не имея полного понимания.

Когда читаешь повествование Ветхого Завета, нужно сосредоточиться на высказываниях персонажей. Как, например, в повести «Там, где течет река», где главная идея становится понятной. Смысл повествуется в диалоге отца и сына ближе к концу романа.

Именно это вы видите в повествовании Ветхого Завета. Высказывания персонажей, а также комментарии рассказчика — мы поговорим о них чуть позже. Но именно эти разговоры играют важную роль в формировании смысла истории.

Поэтому начинать следует с того, что говорят персонажи. Роберт Альтер очень помог мне это понять. Синтия Миллер, ныне Синтия Миллер Налдеа, отмечает, что речь пронизывает всю Библию, от созидательного слова божественной речи в Книге Бытия до указов персидского царя в конце Книги Хроник.

Знаете, интересно то, что книга Иисуса Навина — повествовательная, и первая глава, хотя и имеет повествовательную структуру, почти полностью состоит из речи. То же самое происходит в 1 Царств 15. 1 Царств 15 — это захватывающая история, и тем не менее большая её часть — это диалог между царём Саулом и пророком Самуилом, а также некоторые наставления, которые Господь даёт пророку Самуилу.

Еще один пример — противостояние Давида и Голиафа, или история Давида против Саула и Голиафа в 1 Царств 17. Действие развивается не очень быстро, но важны некоторые высказывания персонажей, особенно Давида. Поэтому мы всегда обращаем внимание на то, что говорят эти персонажи.

Роберт Альтер говорил, что диалог несёт в себе огромный смысл. Поэтому, если вы хотите донести смысл до слушателей, один из способов сделать это — вложить его в уста персонажей. Теперь я хочу уточнить сказанное.

Вкладывая эти слова в уста персонажей, я вовсе не имею в виду, что библейские рассказчики выдумали их и сказали: «Да, я хочу передать это послание, поэтому я заставлю Давида сказать это», независимо от того, действительно ли он это сказал. Нет, мы считаем, что если Библия говорит, что Давид сказал это, значит, Давид действительно это сказал. Просто рассказчик из всех деталей, которые он

мог включить в повествование, выбирает те, которые лучше всего доносят его мысль.

Итак, вкратце, какова же функция этих разговоров со стороны персонажей? Когда персонажи, как я говорю, произносят речи, но иногда они просто ведут беседы, как и мы. Что это делает? Ну, по крайней мере, четыре роли. Одна из них — это то, что это дает нам представление об их характерных чертах.

Опять же, вместо того чтобы рассказывать нам, например, что Исав — человек, поддавшийся своим желанием, мы видим это, когда слышим, как он говорит своему брату Иакову: «Дай мне немного этой красной жидкости, красной жидкости». Это буквально то, что он ему сказал.

Или же Абигаиль, писательница, библейская рассказчица, не говорит, что она была удивительной женщиной, невероятно мудрой и очень сильной в общении, ей это и не нужно. Мы всего лишь читаем её длинную речь к Давиду, не для того, чтобы отомстить её глупому мужу. И мы просто говорим: «Ух ты, это меня просто поражает».

Она такая мудрая. И, боже мой, как же она умеет использовать метафоры! Как она умеет красиво выражаться? Благодаря ей мы получаем представление о характере героини. Мы понимаем, какая она.

Во-вторых, эти речи персонажей часто дают нам представление о смысле всего повествования. И, как я уже упоминал, Роберт Альтер говорил, что диалог призван нести в себе значительную часть смыслового груза. Возможно, один из самых известных примеров этого — концовка истории Иосифа в Бытие 49.

Я думаю, он суммирует весь смысл этих рассказов о себе, а также о непосредственной истории, когда говорит: «Вы хотели причинить мне вред, но Бог обратил это во благо, чтобы совершить то, что совершается сейчас, — спасение многих жизней». Вот и всё. Бытие 50:20 — это главная идея историй о Иосифе, которые появляются в Бытие с 37 по 50.

Опять же, когда вы обращаетесь к 1 Царств 13 или 1 Царств 17, я упоминал стихи с 34 по 37, а затем стихи с 45 по 47. Я думаю, что именно они содержат ключ к истории Давида и Голиафа. На самом деле, я хочу прочитать вам, что говорит Давид в 1 Царств 17.

Его первая речь, когда он стоял перед Саулом и вызывался сразиться с великаном, была произнесена Саулом, который сказал: «Ты не можешь пойти против этого филистимлянина и сражаться с ним, ты всего лишь юноша. Он воин с юности». Но Давид сказал Саулу: «Твой слуга пас овец своего отца».

Когда приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, я гнался за ним, бил его и вытаскивал овцу из его пасти. Когда же он нападал на меня, я хватал его за шерсть, бил и убивал. Твой слуга убил и льва, и медведя.

Этот необрезанный филистимлянин, и вы слышите это маленькое выражение лица, этот необрезанный филистимлянин будет подобен одному из них, потому что он бросил вызов армиям живого Бога. Господь, который спас меня от лапы льва и лапы медведя, спасет меня и от руки этого филистимлянина. А затем, когда он сталкивается с Голиафом позже в этой главе, главе 17, стихах 45-47, Голиаф прокликает Давида.

Он говорит: «Иди сюда, я отдам твою плоть птицам и диким зверям». И вот ответ Давида. Давид сказал филистимлянину (стих 45): «Ты идёшь против меня с мечом, копьём и дротиком, а я иду против тебя во имя Господа Всемогущего, Бога воинств Израилевых, Которого ты поносил».

В этот день Господь предаст вас в руки Мои, и Я поражу вас и отрублю вам голову. В этот же день Я отдам туши филистимского войска птицам и диким зверям, и весь мир узнает, что есть Бог в Израиле. Все собравшиеся здесь узнают, что не мечом и не копьем спасает Господь, ибо битва принадлежит Господу, и Он предаст всех вас в руки наши.

И это действительно подводит итог этому повествованию, не так ли? Битва принадлежит Господу, победу одержат те, кто имеет веру в живого Бога. Поэтому нам следует прислушиваться к речам, будь то короткие заявления или более длинные речи, подобные той, которую я вам зачитал. Есть и третья роль речи: иногда она выполняет функцию подведения итогов.

Так часто бывает и с поэзией. Иногда, читая повествование, вы натываетесь на поэтический отрывок. Один из первых примеров — Бытие 2:23, где Адам начинает петь, когда Бог создает женщину, и он радуется тому, что Бог создал для него подходящую помощницу.

А затем в 1 Царств 2:1-10 речь Анны, этот взрыв хвалы, эта молитва, эта песня, выполняет скорее обобщающую функцию и фактически подчеркивает все темы, которые будут развиваться в книге Самуила. Так что это тоже важно. Наконец, речь может подчеркнуть контраст.

Опять же, если сравнить слова Исава и поступки Иакова, то становится очевидной разница между этими персонажами. Или отказ Иосифа, когда жена Потифара пытается его соблазнить, и он говорит: «Как я могу совершить это великое зло и согрешить против Господа?» И вы видите контраст с её прямотой в двух словах, которая, по сути, означает: «Приди и ляг со мной». Всего пара слов на иврите.

Итак, это речь персонажа. Теперь давайте немного подумаем о том, что говорит рассказчик. И вот здесь нам нужно обратить внимание на то, что я бы назвал инсайдерской информацией или редакционным комментарием .

То есть, рассказчик повествует историю, но иногда кажется, что он словно нажимает на паузу и говорит: « Кстати, вам нужно знать вот что о персонаже». Или он делает какое-то замечание о персонаже, которое нам обычно неизвестно. И в этот момент он делает больше, чем просто рассказывает историю.

Вот почему некоторые литературоведы или библеисты говорят о всеведущем рассказчике, потому что кажется, будто он знает всё. Да, он не знает всего, как Бог знает всё. Но по мере того, как он рассказывает историю, он делится с нами, поэтому мне нравится выражение «инсайдерская информация», которой иногда не обладают персонажи.

Я имею в виду, что в начале 22-й главы Бытия, где Бог повелевает Аврааму принести в жертву своего сына, рассказчик с самого начала сообщает нам, читателю, что события, о которых мы сейчас услышим, на самом деле были испытанием, данным Богом. Что Бог испытывал Авраама. Но Авраам этого не знал, не так ли? 38-я глава Бытия предоставляет нам еще один пример всеведения рассказчика.

Помните, как начали умирать сыновья? В Бытие 38:7 рассказчик сообщает, что Ур умер, потому что был нечестив в глазах Яхве, и Яхве убил его. А затем он делает то же самое в стихе 9, когда раскрывает мотивы Онана, побудившие его отказаться оплодотворить Тамар и исполнить долг левиратного брака. Таким образом, нам сообщается информация, о которой Иуда не знал.

Он считает, что проблема в Тамар. И мы тоже могли бы так подумать, если бы рассказчик, кстати, не сказал, что этих двоих убили за то, что они совершили зло в глазах Яхве. Так что, читая эту историю, или если кто-то читает её нам вслух, мы воспринимаем её под другим углом, не так ли? Мы уже знаем, что происходит.

Итак, это те вещи, на которые нам нужно обращать внимание и которые мы должны замечать, читая повествование. Хорошо, до сих пор мы рассматривали действие или сюжет. Мы рассматривали персонажей, и мы рассматривали диалоги, как то, что говорят персонажи, так и инсайдерскую информацию, которой делится с нами рассказчик.

Теперь нам нужно обратить внимание на последний важный элемент нашего экзегетического процесса, а именно на контекст. И это будет темой нашего

следующего занятия.

Это доктор Стивен Д. Мэтьюсон в серии проповедей о ветхозаветных повествованиях. Это четвертое занятие, обзор экзегетического процесса [Деяния апостолов], анализ персонажей и обсуждение.